

As ever, Deanna

(К юбилею замечательной актрисы)

Много лет назад, в 1987-ом году, я написал рассказ « Дина Дурбин », в котором поведал о своей юношеской влюбленности в американскую киноактрису, блиставшую в Голливуде в 30-х годах. Рассказ был опубликован в Литературной газете, и скажу, не скромничая, имел определенный успех. Я и после писал рассказы и публиковал сборники, но этот- один из первых моих рассказов- особенно пришелся по душе читателям. Причина в том, что для людей моего поколения (я родился в 1934-м году) образ феи, слетевшей с экрана в сумбур и разруху послевоенной Москвы, был неким потрясением, запомнившимся на всю жизнь. Я получил тогда много писем, главным образом от москвичей, живших на Плющихе и в прилежащих к ней переулках. Дело в том, что сам я в те годы жил в районе Плющихи, и влюбленность моя растекалась по ее переулкам и окрестностям: Ружейный, Долгий, Неопалимовский, Новоконюшенный, Девичье Поле, Новодевичий монастырь- вот география моих прогулок и мечтаний, явственно проступавшая в рассказе и легко перетекавшая в совсем другие широты и пейзажи: швейцарская деревушка, по которой она со стайкой подруг едет на велосипеде, Нью- Йоркский отель, с бала которого она убегает, потеряв на лестнице туфельку...Естественно, что жителей Плющихи и ее окрестностей это касалось в первую очередь.

Прошло много лет. И вот, где- то в начале 90-х, я пошел к ней на свидание в кинотеатр «Иллюзион». Шел как раз тот самый «Первый бал», где она и потеряла туфельку. (Замечу, кстати, что названия многих фильмов в нашем прокате были изменены. Причина в том, что фильмы эти попали к нам как послевоенный трофей, и официального права на их показ у нас не было, и, хотя, конечно, на такие вещи у нас всегда плевали, все же какая- то осторожность, видимо, соблюдалась. Поэтому, фильмы шли не на центральных экранах, а во второстепенных кинотеатрах и, главным образом, в клубах; на афишах не стояло названия фильма, а только было обозначено «кинофильм» (какой- увидишь, когда начнется); и, частью этой убогой маскировки было изменение названий: не «Первая любовь» («First love»), а «Первый бал», не «Без ума от музыки» («Mad about music»), а «Секрет актрисы» и т.д.). Перед началом фильма я разговорился со свои соседом, который тоже оказался поклонником Дины Дурбин, и к моему удивлению сообщил, что переписывается с ней. Боже мой! Как я мечтал об этом (или нет, я даже мечтать об этом не смел) лет 40 тому назад. Да, вот так просто- он с ней переписывался и дал мне ее парижский адрес... В этой встрече в Иллюзионе была одна милая деталь: после окончания фильма я предложил своему новому знакомому подвести его (я был на машине) и по

дороге поболтать. Он смущенно улыбнулся и сказал: « Да нет, я , пожалуй пойду на следующий сеанс». На следующем сеансе шел тот же самый фильм! И тут я понял, что за прошедшие годы моя любовь потускнела, а его (он был сильно моложе меня) как раз в зените.

И вот, я написал ей письмо. Вернее, попросил одну знакомую, хорошо знавшую английский, перевести мое письмо, в котором писал, чем она для меня была, и как я мечтал (да и сейчас мечтаю) о встрече с ней. К письму я приложил сборник рассказов, в числе которых был и «Дина Дурбин».

Через какое- то время я получил от нее ответ. Помню, как стоял в подъезде с конвертом в руках и на меня накатывались переулки моей юности: Ружейный, Долгий, Неопалимовский...казалось, что сомкнулось прошлое и настоящее.

Письмо показалось мне суховатым. (Конечно, в сравнении с моими пылкими излияниями, все показалось бы суховатым). Она писала, что ей было приятно получить письмо и сборник рассказов, что, к сожалению, не читает по-русски, но уверена, что рассказы доставили удовольствие моим друзьям.

Я тут же организовал перевод рассказа «Дина Дурбин» на английский (перевод, как я потом понял, был ужасающий) и послал ей. Она быстро ответила, что ей понравился рассказ «где вы упоминаете меня». Упоминаете меня- это было тонкое замечание , потому что рассказ, в основе своей, был про восприятие подростком послевоенной Москвы, хотя центром восприятия была, конечно, она.

После этого между нами завязалась переписка. Вернее, переписка- это слишком сильно: мы обменивались Christmas cards, и каждую открытку с Рождественскими поздравлениями и пожеланиями, она подписывала: As ever, Deanna.

Между прочим, впоследствии, я узнал, что был далеко не единственным влюбленным, писавшим ей письма. В разные годы у меня были серьезные соперники, например Бенито Муссолини, который тоже был в нее влюблен и уговаривал (нет, не выйти за него замуж), а убедить президента Рузвельта удержать Америку от вступления в войну. Но она не пыталась это делать- она была патриоткой, и американские солдаты боготворили ее и тоже писали ей письма.

Наша переписка продолжалась четыре года: с 93- го по 96-й. В Рождественской открытке 95-го года я попросил ее прислать мне фотографию. Потом я где-то прочел, что вообще- то она не любила такие просьбы, но мне она прислала фото с надписью: To Vladimir. Признаться, фото мне не понравилось: на нем она выглядела эстрадной певицей, а я любил ее в совсем иных ипостасях. Но это никак не оправдывает того, что я сделал (или, вернее, не сделал): я ей не ответил, не поблагодарил за подарок...Как я мог так

поступить- до сих пор не могу понять. Русское хамство? Отсутствие европейского воспитания? Капризы типа: ах, я представлял вас другой...Все это- не оправдание....Правда, я подумал тогда, что, когда придет время посылать очередную Рождественскую открытку, я напишу как мне было приятно, как я благодарен и т.д., и я, действительно, это сделал, но...она мне не ответила, и больше не отвечала никогда. Как я только не изголялся: поздравлял со всеми праздниками и, в частности с ее днем рождения 4-го декабря, посылал (что было уж совсем глупо) свои фотографии- ничего. Никогда больше не получил я от нее ни строчки.

До этого «разрыва» я ничего о ней не читал: она была феей моей юности, и никакая объективная информация меня не интересовала. А тут начал читать и про нее, и ее собственные интервью, которые меня огорчили. Она была в обиде на Голливуд, разорвавший с ней контракт в 1948-ом году, просила не отождествлять ее с тем образом, который она создала, работая там в 30-е годы, и называла этот образ «побочным продуктом своей молодости». Напрасно она это говорила: кто бы про нее знал, если бы не этот «побочный продукт», который составлял счастье стольких людей в течение долго времени. Кого из людей моего поколения не заливала волна радости, когда она пела «Амаро!» в «Первом бале» или « Две гитары за стеной жалобно завывли » в «Сестре его дворецкого». И я уверен, что не только мое поколение, но много будущих поколений будут открывать для себя ее образ и погружаться в сказки, которые порой так нужны человеческому сердцу...но мне она больше не писала.

Впрочем, может быть, дело было совсем не в том, что я не поблагодарил (или поблагодарил с запозданием) за фотографию. Я прочел как- то в Интернете, что в 1996-ом году у нее умер муж, и наверно ей было совсем не до переписки.

Так или иначе, хотя я больше не получал от нее писем, сам я, когда пишу друзьям за границу, всегда вспоминаю эти письма и подписываюсь, как она меня научила:

As ever,..Vladimir.